

Борис ЖУТОВСКИЙ:

«Уметь было одной из важных амбиций моего поколения»

Из цикла «Слепые рисунки»

ним паркетом. «Все города разрастаются и меняются. Каждый с годами и веками заполняется содержанием и качеством, и склоки людей с окружающим пространством — от неудовлетворенности личным наполнением». Жутовский в таких склоках не участвует. Если Жутовскому надоело ходить по паркету, он выходит в родные улицы. Идет, например, в гости к фотографу Росту, и они вместе гуляют по Чистым прудам. Загнать Жутовского в рамки удалось только художнику Росту, и не потому, что это фотопортрет. Пока Боба ускользал из кадра, попался в закадровом тексте Роста. Там про неуловимого точно написано: что ему внутри себя свободно, а вне себя тесно.

«С каждым днем понятней, в каком уродстве мы прожили. Это уродство становится все опасней для оставшихся, потому что они ищут виноватых в уходящих... Наивно думать о прогрессе. Если бы он существовал, земля и люди не умирали бы от сожительства раньше положенного времени».

О творческом методе рассказывает: «По рецензиям и письмам Бунина очевидно, что он тепло относился к Алексею Толстому, известной дряни и приблуде власти. Ну не мог я понять почтительного отношения Бунина! Оказалось: Алексей Николаевич Толстой обладал роскошным свойством — каждый день независимо от предшествующей пьянки повязывал башку мокрым полотенцем, и десять страниц текста — вынь да положь! Бунин же страдал в ожидании самого себя — месяцами. И завидовал этой работоспособности машинной».

Вот между этими двумя крайностями он и ведет себя. «Трагедия в том, что пальцам нельзя останавливаться, им надо продираться через косноязычие молчания, через истерику умения. Не выходит — отпилить телефонные звонки и не заниматься жизнеобеспечением. Если что-то в тебе возникло, то подлость — это не использовать, из воздушного шарика уйдет объем. Наперекор всему надо находить время побыть с самим собой».

Человек у него вырастает из рельефа, время вытекает из художника и падает в него обратно. Когда Хрушев умер, Эрнст Неизвестный и Борис Жутовский сделали ему надгробие из гранита. Гонимой для Жутовского стала бабочка из коллекции Сергея Никитича.

Первый рисунок, сделанный в больнице после автомобильной аварии разбитой вдребезги левой

рукой, — его автопортрет. Когда со дня второго рождения и гибели жены Люси прошло десять лет, повторил в дереве: «Свидетельство важнее придумок, как посмертная маска ценнее изваяний». А еще девять лет спустя из бронзы отлил свою левую руку, которой сделал все рельефы своей жизни. И буквы писал бы левой, если бы в школе не перелучили.

Сейчас по субботам на своей персональной выставке в галерее Татьяны Романовой, стоя перед грандиозным произведением «Как один день», Жутовский рассказывает о своей маме и одесском интернате для детей, о Брусиловском и Губермане, о том, как купал слона в Непале

(мечта детства), и Эвересте, который облетел за час за 99 долларов. Он стоит, как ученик у контурной карты, которую всю жизнь творил — обеими руками. Не знаю, можно ли определить эпическое произведение словами «ассамбляж» или «контррельеф», выводящими трехмерность из плоскости. Ярлыки жанра применительны к статичным явлениям, а тут в каждой ячейке что-то прорастает.

В клетке 1999 года — кап и железки из лагеря «Северный Чукотки. В этом году умер Лев Разгон, оставшийся живым после семнадцати лет лагерей. Долгие годы печатавший свои рассказы в одном экземпляре: «Два — это уже распространение, другая статья УК».

В 1992-м Жутовскому исполнилось шестьдесят: юбилейный рисунок — синичка, сухой мышо-

Губерман Игорь Миронович

нок и дохлый комарик на рукописном фоне. Однажды сидел художник на подмосковной творческой дачке, рисовал взалхлеб, а еще написал молитву пожилого человека. «Сохрани мой ум свободным от бесконечного изложения деталей» — это оттуда. Там, на даче, в него влюбилась кошка — маленькая, красивая, обманывала запертые двери и поджидала на кровати с подарками. Какие могла поймать.

В 1987-м исполнилась давняя мечта. Чтобы увидеть поразившие его океан с черным песком и жерло Авачинской сопки, надо взяться за женский сосок, приподнять грудь и открыть крышку над картинкой. Камчатка ведь женского рода.

● **Наталия САВОСЬКИНА**

Галерея «Романов»,
ул. Долгоруковская, д. 29, п. 9,
тел. 972-06-29.